

ему скажешь: «In manica mea».¹³⁴ И тогда, без всяких отлагательств, он велит тебя постричь. А затем ты вернешься обратно.

Наш нормандец был счастлив, как никогда в жизни. Целых пятнадцать или двадцать дней ходил он к своему приятелю заучивать эти фразы и наконец, убедившись, что хорошо их заучил, отправился в Рим. Дорогою он постоянно твердил: «Salve, sancte Pater. De Normania. In manica mea». Но, должно быть, он повторял и твердил их слишком прилежно, ибо первая фраза: «Salve, sanete Pater» совсем улетучилась у него из головы, и, к несчастью, в то время, когда он уже отошел далеко от дома. Нечего и говорить, как это нашего нормандца огорчило. Он не знал, какому святому помолиться, чтобы вспомнить позабытые слова, а был убежден, что идти без них к папе это то же, что лезть за тутовыми ягодами без крюка. Надеяться же, что он найдет надежного учителя, как его приятель, он не мог. Он был убит горем, как никто. Но вот, однажды утром, проходя через какой-то город, он зашел в церковь помолиться богу и услышал начальные слова молитвы богородице: «Salve, sancta Parens». Наш нормандец наострил уши.

– Слава тебе, Иисусе и пресвятая богородица! – воскликнул он и воспрянул духом, словно воскрес из мертвых. Немедленно же попросил он находившегося вблизи его служителя повторить эти слова три раза подряд, чтобы уже больше не забывать их, а затем снова пустился со своею латынью в дорогу.

Разумеется, он был доволен тем, что родился на свет, и снова принялся шагать так усердно, что скоро добрался до Рима. Надо заметить, что в те времена доступ к папе был гораздо легче, чем теперь. Его впустили к папе, он немедленно стал перед ним на колени и весьма набожно произнес:

– Salve, sancta Parens.

А папа ему на это:

– Ego non sum mater Christi.¹³⁵

Нормандец же продолжает:

– De Normania.

Папа смотрит на него и спрашивает:

– Daemonium habes?¹³⁶

– In manica mea,¹³⁷ – отвечает нормандец.

И с этими словами сует руку в рукав, чтобы достать оттуда свое прошение. Папа немного испугался, думая, что тот хочет вынуть из своего рукава черта, но, увидев, что это была бумага, успокоился и спросил его еще по-латыни:

– Quid petis?¹³⁸

Но тут запасы нашего нормандца пришли к концу, и на заданный ему вопрос он уже не знал что ответить. Хорошо, что там оказались какие-то его земляки. Услышав косскую речь,¹³⁹ они принялись его расспрашивать и узнали, что он для получения духовного звания запасся из дома несколькими латинскими фразами, довольно хорошо их заучил, но не умеет ими пользоваться.

Новелла VIII

О прокуроре, который нанял себе в прислуги деревенскую девушку, и о его писце, который ее обучал

Один парламентский прокурор¹⁴⁰ овдовел, не достигнув еще сорока лет, и, как хороший ма-

¹³⁴ В моем рукаве (лат.).

¹³⁵ Я не мать Христа (лат.).

¹³⁶ Что, у тебя бесы? (лат.)

¹³⁷ В рукаве моем (лат.).

¹³⁸ О чем просишь? (лат.)

¹³⁹ Косская речь – то есть наречие одной из областей Нормандии («земли» Косе).

¹⁴⁰ Парламентский прокурор – судейский чиновник при местном парламенте, в средние века органе городского са-